

В связи с 300-летием Петербурга каждому жителю в чём-нибудь должно повезти. Мне повезло оказаться в Эрмитажном театре на премьере балетов "Белые ночи" и "Ангел" в постановке 24-летнего балетмейстера Никиты Дмитриевского. У Никиты – бурная биография. Сын балерины и известного кинооператора, он учился в школе современного танца Николая Огрызкова, а с 1996-го сам преподаёт и ставит балетные номера. Он танцевал в Большом театре. Работал в труппе нидерландского Театра танца Иржи Килиана. Делал хореографию для Илзе Лиена, Анастасии Волочковой, Юрия Клевцова, Элины Пальшиной. На его репетицию приходил Ролан Пети. В Штатах Никита работал с ведущими солистами "Сан-Франциско балет" Юрием Посоховым и Геннадием Недвиговым, с чемпионами мира по фигурному катанию Георгием Суром и Рене Макалистер...

С балетмейстером Дмитриевским беседует Виктор ТИХОМИРОВ.

Фоторепортаж - 2003 - (№12), окт. - нояб. - с. 23

Никита Дмитриевский

– Интерес к русскому балету никогда не угасал, и поэтому его собирают в неизменном виде. Оправданы ли эти усилия? Или пора употребить их на развитие нового балета, а от старого пусть остаются фотографии, фильмы?

– Я считаю, что нового ничего нет. То, что называется "современным искусством", – лишь способ считать себя модным. Есть мнение, что если человек воспитан на классике, то его должно тянуть к авангарду. Но искусство – это язык, а язык не во всех случаях одинаков. Один для улицы, другой для друзей, третий для разговоров в магазине. То же и с профессией. Занимаясь одним направлением, можно изолироваться от других и остальное считать непригодным. Я же считаю, что все направления должны быть освоены и осознаны. Мне кажется, всё, что происходит в мире искусства, – относительно. Всё воспринимается в связи со временем, а если учитывать время и место рождения, относительность ещё

Балетмейстер Никита Дмитриевский:
"Когда человек выживает, он чувствует вкус к жизни".

Рецепт полёта

очевиднее. Сегодня, родившись в России, завтра я рождаюсь на Полинезийских островах или ещё где-нибудь, где другие нравы и обычаи, и всё может стать с ног на голову.

– Существуют ли для тебя авторитеты из числа учителей или коллег, на которых ты оглядываешься и даже не прочь подучиться?

– К сожалению, не могу назвать таких авторитетов в России. Но в Голландии есть хореограф, которого я считаю лучшим мыслителем в хореографии, это Иржи Килиан, в труппу которого мне посчастливилось попасть. Получилось, как с человеком, не видевшим моря, но слышавшим, что оно большое и мокрое. Когда же человек в него окунается, ему уже не нужно слов.

– Работая с людьми как хореограф, ты не можешь не воспринимать их как инструмент. Как ты оцениваешь этот инструмент?

– Талантливые артисты есть везде, но, к сожалению, в России люди с помощью профессии "выживают", а в Америке или в Европе "существуют". И это самое важное отличие.

– Так с кем же лучше работать? Ведь в условиях выживания ре-

зультат может получиться более эффектный.

– Когда человек выживает, он чувствует вкус к жизни, а когда живёт, вкус притупляется. Проще работать с людьми, которым не приходится разъяснять "образы" словами. Им даёшь "температуру" восприятия, и они её ловят на чувственном, инстинктивном уровне.

– Всё ли нравится тебе в современном искусстве? Разрушительные тенденции, отступление от гуманизма, вытеснение прекрасного прежде запретным... Или тебе это кажется проявлением бодрости, неким размешиванием застойного болота?

– Всеу должно быть место. Подобное тянется к подобному. Чистота притягивается к чистоте, чёрное к чёрному. В то же время день не может быть без туч на небе. Есть притча, как один правитель устроил у себя прекрасный сад, созвал туда гостей на открытие и спросил одного мудреца его мнение о саду, устроенном по последней моде. Мудрец сказал: "Ты устроил прекрасный сад, и в нём душа радуется, но не хватает опавших листьев". Разбросав листья, правитель увидел ту гармонию, о которой говорил мудрец. Вот и я считаю: опавшие листья должны быть, чтобы стало понятно, что есть хорошо, а что плохо.

– Вопрос меры. Можно завалиться гнилой листвой до самой макушки. Публику всегда интересовало, какова доля правды в слухах о гомосексуальной составляющей жизни балетных артистов. Тебе есть что сказать по этому поводу?

– Театр – это утрированная жизнь, отражающая, может быть, более ярко то, что происходит в обществе. К тому же балетные люди всегда на виду, на слуху. Возникает иллюзия, что они предрасположены к неким падениям.

– Есть ли у тебя, мотающегося то и дело по разным странам, внутренняя связь с Родиной, с "отеческими гробами", или ты космополитический художник, принадлежащий всему миру?

– Для меня это очень важно. Хотя я и могу работать за границей, но там ты существуешь, а здесь – живёшь, хоть и грязно, но прекрасно. В этом элемент истины и красоты, который не разглядеть в готовой, благоустроенной среде.

– То есть ты признаёшь существование губительной меры комфорта для творческой личности?

– Всё индивидуально, но существует закон контраста: посмотревшись негатива, с особенной силой тянешься к красоте.